

Тонино Гуэрра

Визит

МНЕ, КОНЕЧНО, очень интересно увидеть, я бы даже сказал — вспомнить, свои произведения, написанные четверть века назад. О нет, вначале я и не думал о них, как о пьесах; учитывая мой интерес к кино, я считал их скорее телефильмами. Но, знаете, потом мне пришло в голову, что из этих двух довольно мрачных скетчей получились, по-моему, полноценные пьесы.

Вы хотите, чтобы я сформулировал принципы своей драматургии? Может быть, основа ее — парадокс. Помните фабулу этих пьес? В первом случае герой собрался повеситься, а у него отняли не только стул, который должен был потом из-под него вылететь, но даже и веревку. Во второй пьесе у героини вроде бы кончилась жизнь — умер любимый мужчина, но буквально через несколько часов она уже готова его забыть и вступить в связь с малознакомым фотографом. Значит ли это, что моя Карла притворяется? И да, и нет, хотя притворство — она же женщина! — несомненно присутствует. Прошлое было прекрасно, но оно кончилось, и будущее оказывается куда важнее.

Еще один принцип — это, если хотите, жест. Я и к театру-то обратился во многом потому, чтобы показать жизнь в движении. По-моему, жест, невольный жест, гораздо лучше может выразить природу человека, чем слова, которые мозг так или иначе держит под контролем. Поэтому я бы очень хотел, чтобы в спектаклях по моим пьесам жестам уделялось не меньше внимания, чем слову.

Но я начал с рассказа о том, какую пьесу недавно написал (мне так и не удалось узнать ее название, ибо, по утверждению переводчика Гуэрры — Льва Вершинина, итальянцы обычно до последнего момента держат название в тайне: от его заманчивости и броскости во многом зависит окончательный успех. — В.Д.). Да, можно считать, что я вернулся в театр, и не потому, что Феллини больше нет, просто появился материал, с которым было интересно работать. Эта пьеса — кстати, пятая по счету

МОНОЛОГ

До и после спектакля

Независимая газ. — 1994. — 28 янв. — С.7.

Сидя на переднем сиденье огромного «ЗИЛа», он заговорил об этом сам, причем сделал это с места в карьер — сразу же после нашего знакомства. Мы ехали в Текстильщики, в маленький московский театр «Лаборатория», в котором в этот вечер специально для автора — поэта, художника и драматурга Тонино Гуэрры, по чьим сценариям снимали свои фильмы Феллини, Антониони и Тарковский, — играли его ранние одноактные пьесы «Четвертый стул» и «Вдова».

Тонино Гуэрра.

— об одиноком старике. Меня вообще интересуют немолодые люди, которые зачастую чувствуют себя в этой жизни совсем потерянными. Вот один эпизод, из жизни — не из драматургии. Недавно мы с женой Лорой были на Центральном рынке, и там я увидел старого человека в длинном пальто, руки он держал в карманах, а на шее у него висела корзинка с яйцами. Я остановился перед ним, но вдруг заметил, что этот человек тоже смотрит на меня, причем смотрит с каким-то ожиданием: может быть, он думал, что я куплю у него эти яйца. И в этот момент я понял, что, удовлетворяя собственное любопытство, иногда забываешь о Человеке. Тогда я совсем растерялся, и единственное, что пришло мне в голову, — это подать ему руку. В ответ он протянул мне свою — поверьте, это был один из самых счастливых моментов в моей жизни.

Так вот, я вспомнил об этом

простом человеке по ассоциации, потому что, как я сказал, моя новая пьеса — об одиноком старике, который сидит и тушит свечи. Семь свечей символизируют семь желаний. И вдруг он понимает, что потушила свечу, которую зажег кто-то другой. Старик находит этого человека (он тоже не молод) и узнает, что тот хотел уйти из жизни. Основная идея пьесы состоит, мне кажется, в том, что человек не должен сам решать, жить ему или умирать, — за него это делает Высшая сила. Нет, я не то, что у нас называется *catolico praticante*, в церковь хожу не очень часто, но существование Бога для меня несомненно. И еще одна идея: человек к концу жизни становится сильнее духом, обретает мудрость, которая в итоге и помогает ему преодолеть все горести и невзгоды.

Я считаю себя, с одной стороны, романтиком, с другой же — трезвым реалистом, который смотрит на жизнь отнюдь не сквозь розовые очки. Но я, конечно же, не пессимист, да и как можно, узнав, что такое фашизм и концлагерь, и оставшись с живых, быть пессимистом!

И, кстати, в отношении вашей страны тоже (это говорится уже после спектакля. — В.Д.). Если у молодых людей, не имеющих своего театра и работающих в таких скромных и сложных условиях, не угасло желание играть на подмостках, то ваша страна, я считаю, обязательно возродится. Только надо помнить, что зависит это не от Ельцина и не от правительства, а от каждого из вас. Если посмотреть в себя, то можно увидеть там много хорошего, и этот потенциал надо постараться использовать. Каждому. И тогда все будет в порядке.

Монолог записал Виктор Денисов.